Ирина Гуро
Анатолий Андреев

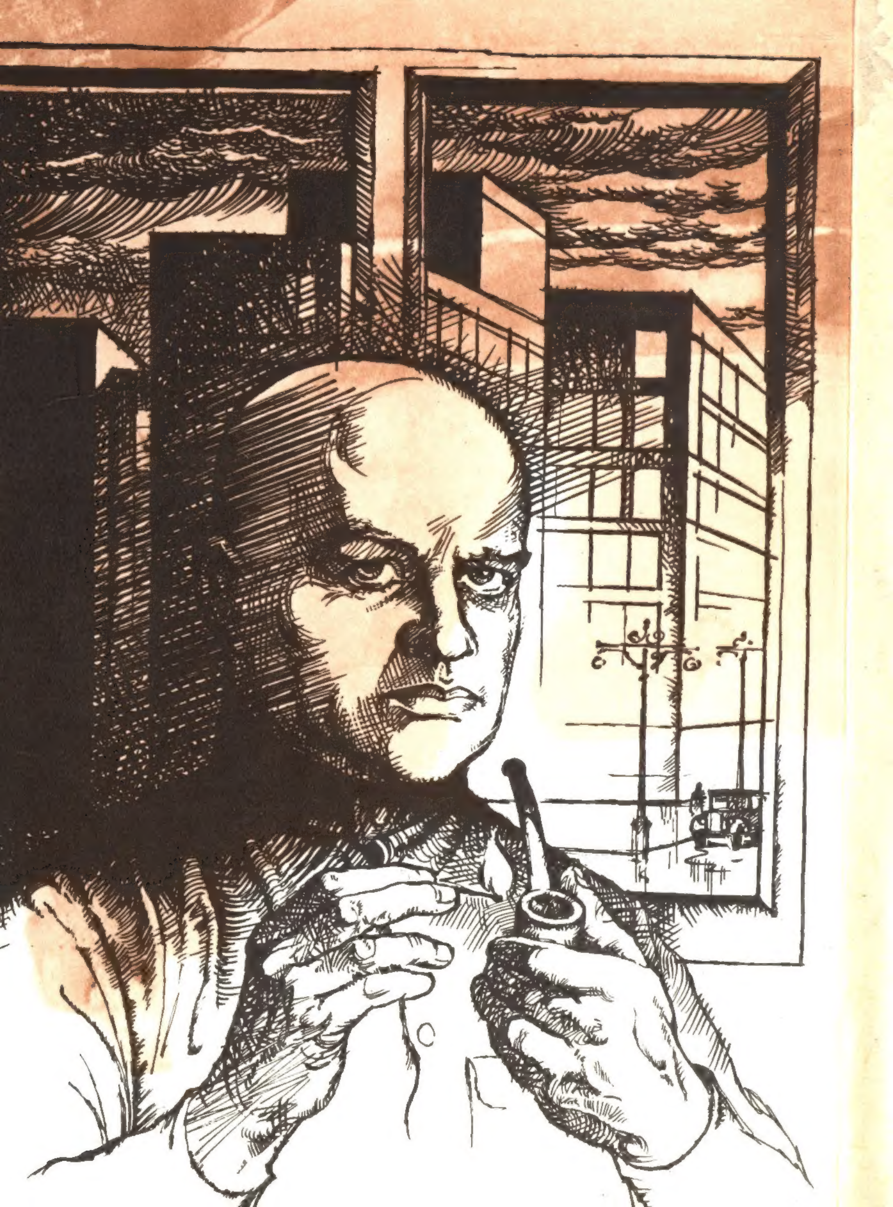
Горизонты

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1979

СЕРИЯ • ПЛАМЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ •

ПР

Ирина Гуро,
Анатолий Андреев

ГОРИЗОНТЫ

ПОВЕСТЬ
О СТАНИСЛАВЕ КОСИОРЕ

Издание второе

Широкому читателю известны романы Ирины Гуро: «И мера в руке его...», «Невидимый всадник», «Песочные часы» и другие. Многие из них переиздавались, переводились в союзных республиках и за рубежом. Книга «Дорога на Рюбецаль» отмечена литературной премией имени Николая Островского.

В серии «Пламенные революционеры» издана повесть Ирины Гуро «Ольховая аллея» о Кларе Цеткин.

Анатолий Андреев — переводчик и публицист, автор статей по современным политическим проблемам, а также переводов художественной прозы и публицистики с украинского, белорусского, польского и немецкого языков.

Книга Ирины Гуро и Анатолия Андреева «Горизонты» посвящена известному деятелю КПСС Станиславу Викентьевичу Косиору. В остросюжетной форме авторы ведут рассказ о богатых событиями 1930 — 1935 годах на Украине, когда наиболее полно проявился талант партийного руководителя Станислава Косиора.

Первое издание повести вышло в 1977 году и получила широкий отклик читателей и прессы.

$Г \frac{10203-085}{079(02)-79} 275-79$ 0 902 030 000

Часть первая

1

То, что Тарас Иванович Титаренко нисколько не огорчился известием о смерти брата в Канаде и не обрадовался извещению Госбанка о наследстве, крупной денежной сумме, ровно ни о чем не говорило. Ни о недостатке братских чувств, ни о пренебрежении деньгами. Совсем о другом думал Тарас Иванович, трясясь в собственной бричке на станцию Сватово, что в сорока километрах от Старобельска.

Мысли были не о брате, не о деньгах: об Украине, о той самой «ридной неньке», которая только для них там, по ту сторону океана, была неведомой и загадочной, а уж он-то, Тарас Титаренко, каждую ее морщинку знал и каждое дыхание. Украина! Край крупного землевладения, крепких, заможных хозяев,— они определяли судьбу страны, а не шушера, голытьба, бескультурщина, «товарищи»...

Благополучие всего разветвленного семейства Титаренков зависело именно от такой Украины. Не оставаться же ему всю жизнь «совслужащим» — инструктором райпотребсоюза. Тьфу!

Целиком погруженный в эти общие рассуждения, Титаренко не жалел брата, хотя бы потому, что брат вовсе не умер. И не радовался наследству, зная, что деньги вовсе не его.

пеливое и, как ему показалось, веселое, оживленное выражение. «Это нервное, нелегко ведь узнать такое»,— подумал Максим.

И в этой мысли он укреплялся, пока рассказывал всю историю с похоронами, с посещением незнакомца, который через десять лет обернулся главной фигурой в процессе СВУ, со встречей в библиотеке и даже с Верочкой...

В этом месте Рашкевич просто засмеялся. Однако он не прерывал Максима, и тот в конце концов был так растерян неожиданной реакцией Рашкевича, что остановился как бы на скаку...

Теперь он уже окончательно ничего не понимал. Рашкевич поднялся с места, обнял его за плечи, благодушно и нисколько не сердясь, сказал:

— Мой молодой друг, не стоит делать драму из в общем-то безобидной истории. Истории молодого человека, волею судьбы попавшего на перекресток бурного времени...

Говоря это, Рашкевич подошел к столику, на котором только сейчас Максим заметил недопитую бутылку коньяка и рюмки.

В своем волнении Максим сразу опустошил налитую рюмку и слегка захмелел. Может быть, поэтому все дальнейшее представлялось ему как бы в тумане.

Однако на улице, после часового разговора, Максим был уже трезвый как стеклышко.

Потому что второе за сегодняшний день открытие ошеломило его не менее первого.

И, став как бы иным, как бы обретая новую зрелость и мужество, Максим трезво взвесил каждое слово, произнесенное Рашкевичем. И каждая фраза его показалась Максиму будто с двойным дном.

Самое удивительное и самое угнетающее содержалось в том, что Рашкевич отлично знал, оказывается, Остапа Черевичного и конечно же знал, что Максим его племянник, но все эти годы не дал Максиму ни малейшего повода

величать? Молодой человек ответил: «Василь Моргун», на что Юхим, подумав, заметил прочувствованно:

— Хорошее фамилие. А мое — Бабута, Юхим Бабута.

Считая неудобным задать прямой вопрос, зачем едет Василь Моргун в Кривую Балку, Юхим начал издалека:

— А вот к нам, в Сосновку, приезжал из району лектор. Дуже цикаво объяснял насчет звезд и планиды Марса. И будто в стародавние времена так считалося, что той Марс во всех войнах виноватый. А я такую думку маю, що и тоди богатии булы, що войны затевали ради своей, обратно, выгоды. И лектор теж саме казав.

Вот здесь-то и должен был приезжий задать вопрос насчет лекторов, часто ли ездят и чего говорят.

Но приезжий молчал. И это обеспокоило Юхима.

Как раз в это время полная мутноватая луна выкатилась из-за тучи, и Юхим, исподтишка взглянув на седока, как бы заново увидел его. Н-е-е, парню, пожалуй, под тридцать. Меж бровей складка и брови упорные, а подбородок хоть и мягкий, да рот сомкнутый, упрямый. «То не культосвита. Тут щось друге»,— решил Юхим, но не стал долго думать, а заключил с маху и на этот раз окончательно: «Насчет хлиба!»

И додумать даже не успел, как приезжий спросил спокойно:

— А вы, дядько, в колхозе?

— В сельхозартели. Имени великого сына хранцузьского народа...— подъемно выговорил Юхим, передохнул и закончил: — Жана Поля — у их по двое имен — Марата!.. Состою в должности, заведую конями,— добавил он уже будничто.

— А велика ваша артель?

— Тридцать два двора,— охотно ответил Юхим, и теперь он уже знал точно, что следующим вопросом приезжего будет: а сколько всего дворов на селе? А также знал,

— Я собираюсь выступить на Пленуме ЦК, хочу предварительно послушать ваши соображения. Вам передавали, по какому вопросу я пригласил вас?

Карлсон слабо улыбнулся. Он улыбался редко, и это меняло его лицо. На нем проступали мягкость и легкая ирония, вообще-то ему не свойственные.

— Если бы и не сказали, Станислав Викентьевич, нетрудно было догадаться, что именно вас интересует. Весь наш аппарат нацелен на вскрытие причин, тормозящих сев...

— Срывающих, срывающих сев! — нетерпеливо прервал Косиор.

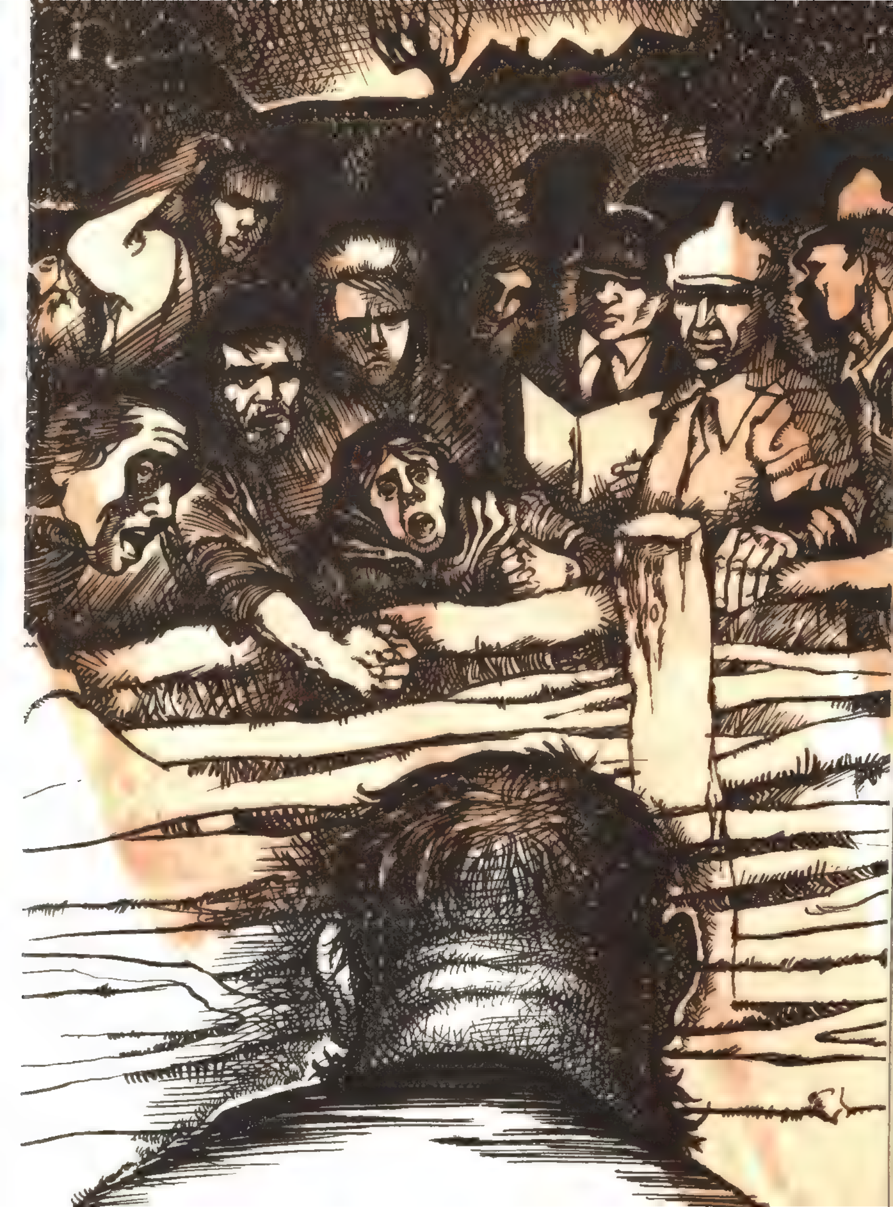
— В отдельных местах и срывающих.

— Слишком много таких мест, Карл Мартынович. В том-то и дело, что явление это не локальное.

— Так,— согласился Карлсон.— Вот что получается по нашим данным: помимо причин местных, а эти причины весьма разнообразны, я сейчас о них говорить не буду, есть причины общие. Мы начали свой анализ с глубокой периферии, исследуя состояние кооперативной торговли на местах. Вскрылись некие общие явления. Мы обратили внимание на одно из них: нет товаров! У крестьянина нет уверенности, что, когда он снимет урожай, он сможет получить за него нужные ему товары. Он так рассуждает — у нас в деревне большая нехватка во всем: и в обуви, и в одежде, и в сельскохозяйственном инвентаре, в косах, в пилах. Где это все взять? А между тем не только в деревне, но и в райцентре полки магазинов пустые или, того хуже, забиты вовсе не нужными деревне товарами. Словно назло. Вот и задумывается крестьянин: «Ну по осени продам я хлеб, получу деньги, а во что они превратятся? В прах!»

— Это что же, нерасторопность, леность кооперации?

— К сожалению, Станислав Викентьевич, не только это. Мы проследили путь товаров, предназначенных для

Собирается не для того, чтобы рюмку водки выпить, а чтобы поднакопить силы да ударить по Советской власти... Так я полагаю, что тут нам церемонии разводить не к чему.

— Ты что же, за разгон автокефалии? — Петровский снял очки, отчего лицо его стало сразу моложе и в карих глазах обнаружилось веселое любопытство.

— А почему нет? Ведь известно, что папа римский спит и во сне видит прибрать под свою руку автокефальную церковь.

— Из чего, между прочим, ясно видна правильность марксистского положения: «Бытие определяет сознание»,— сказал Косиор.

— Ясное дело. Бытие: папа желает иметь доходы с автокефальной церкви. Сознание: плевать ему на то, что автокефалисты вовсе не католики!..— подхватил Моргун.

Все засмеялись.

— Разгонять подряд всех — это не дело. Надо отделить «чистых от нечистых», давайте будем поступать по писанию...— сказал Григорий Иванович.— «Чистые» имеются? На Старобельщине, я разумею?

— Имеются, Григорий Иванович, поп Варфоломей такой, навещает меня...— Моргун засмеялся: — Уж очень старый, но голова работает. Вижу, говорит, что все идет, хотите вы, большевики, или не хотите, по божеским законам... В смысле: легче верблюду пройти сквозь игольное ухо, нежели богатому войти в царствие божие...

Григорий Иванович махнул рукой:

— В священных книгах полно противоречий, допускаются толкования. Если Варфоломей толкует царство небесное как рай земной, он недалек от истины...

Косиор сказал задумчиво:

— Наверное, в православной церкви еще будут расти свои противоречия... Но что какая-то часть духовенства будет к нам приближаться, это, я считаю, точно. То есть как приближаться? На основе патриотизма... Ведь разно-

на лице Косиора, и ему хотелось найти слова, показывающие, что он готов, он просто начинен характеристиками, установками, кажется, на все случаи, могущие возникнуть...

Ему хотелось заверить в этом Станислава Викентьевича, и он сказал:

— Мы разрабатывали все могущие возникнуть ситуации, предусмотрели, кажется, все возможные встречи...

Он уловил интерес в глазах собеседника, тот как будто спрашивал: а именно?

И Василю просто было сказать:

— А некоторых я просто как будто вижу перед собой... Вот, например, Смаль-Стоцкого Романа Степановича...

Станислав Викентьевич понимающе кивнул головой, Василь продолжал, уже увлекаясь:

— ...этого ученого лингвиста, профессора, и он же, этот теоретик, сейчас является заместителем министра иностранных дел мифического правительства УНР и курсирует между Варшавой и Парижем, осуществляя свои мифические функции... И все, что касается этого призрачного «кабинета», этой игры в правительство при отсутствии подданных, территории и, собственно, предмета деятельности,— ведь это могло бы быть просто смешно! Но это не смешно, потому что за этим стоит другая форма деятельности, совсем не мифическая, вполне реальная... Так вот с этой формой — посылкой к нам диверсантов и террористов — с этим я же сталкиваюсь вот уже сколько лет.— У Василя перехватило дыхание, но все же он досказал: — Станислав Викентьевич, я хоронил своих близких друзей, павших в этих схватках... Вы же знаете, совсем недавно убили Письменного, Семен был моим самым близким другом. И ту девушку... Вы ее помните?

Косиор тотчас отозвался:

— Софья Бойко... Помню. Она вот здесь сидела, в этом кресле. И эти слова ее помню: «Не може того буты...»

— А где же этот профессор, немец,— вспомнил он,— который по бетону? Этот Фома неверующий?

Он обратился к Евгению:

— Товарищ Малых, вы ему передали, что я его приму?

Евгений доложил, что «светило по бетону» здесь...

Косиор не дал ему закончить:

— Я сейчас отправляюсь к себе, а вы привезите мне «бетонного профессора»...

Он обернулся, поискал глазами среди ударников, стоявших с ним на трибуне:

— Не вижу Смирнова-второго, бригадира бетонщиков. Разыщите его, пусть заедет ко мне...

Свидание происходило уже в сумерках. В кабинете зажгли все лампы, как это делалось при многолюдных приемах.

Однако на этот раз гостями секретаря ЦК были только бригадир бетонщиков Смирнов, его помощник и маленький пузатый немец с красным морщинистым лицом.

Рассыпав каскад многословных приветствий, гость беспомощно озирался в поисках переводчика. Но Косиор сказал, улыбаясь, что будет сам переводить товарищам разговор. Он сразу же направил его, заметив:

— Мне передавали, что уважаемый господин профессор углубился в оценку качества бетона, который дают наши специалисты-бетонщики.

Он представил обоих мастеров. Профессор сопроводил эту церемонию беззвучными аплодисментами в сторону Смирнова и его товарища. Затем он многословно объяснил, что, познакомившись с цифрами замесов бетона за смену, он разрешил себе углубиться в исследование качества бетона.

— Поймите меня, такое количество замесов — новое слово в нашем деле. Я должен рассказать об этом чуде своим коллегам на должном уровне информации. И вопрос качества здесь первостепенный вопрос...

ПРИ

Народ отверг украинских националистов. Неисчислимые потери понесли большевики в жарких битвах с классовым врагом. И когда Косиор говорил об этом с трибуны съезда, перед глазами его проходила не безымянная череда сынов партии, а те живые, беззаветные, которых он знал и любил и оплакивал, как оплакивал бы собственных сыновей.

Да, именно так: борьба с украинским национализмом, разгром его очистил атмосферу, поднял боеспособность партии, вооружил партию. Он был делом не только чекистов, но делом всей партии,— Моргун всегда так думал, и, хотя он слышал это утверждение не раз, сейчас он принял его с углубленным пониманием.

Размышляя, он не терял нити косиоровской речи, дополняя ее своими воспоминаниями. Он вернулся мыслью к стахановскому движению. Как просто оно началось! В последнюю августовскую ночь 1935 года несколько человек спустились в шахту, опробовали отбойный молоток... Стали работать по-новому, принципиально новому методу. И пошел черно-серый поток угля... В глубине лавы в свете шахтерских лампочек родился новый метод. Он включил в себя столь многое. В нем, в его вещной сути, выразились высокие человеческие начала.

«Рыцарство — как странно, что это слово, казалось бы совсем из другого ряда, пришлось здесь к месту»,— думал Василь. И уже обращал это слово к самому Косиору, продолжавшему свою речь. В ней словно бы обнажались новые просторы, новые горизонты и сразу во многих пластах. И в сознании Василя возникли слова, не сейчас, а раньше сказанные Косиором: «Люди социалистического покроя». Он тогда услышал их впервые, и они поразили его новизной не смысла — смысл был ясен и прежде,— но формы. И тогда же Косиор сказал о стахановцах: «Это только первые отряды...». Слово «отряд» и тогда, и сейчас связыва-

лось с мыслью о войне. Мыслью, которая прямо вытекала из упоминания о фашизме.

Между тем речь продолжалась. Оратор нанизывал обобщение на обобщения, опуская связки, предоставляя слушателям заполнять пробелы собственными мыслями.

Василь слушал Косиора и думал: «Он мыслит широко не только потому, что умеет это, а потому еще, что стоит на мостике. Человек на капитанском мостике, в чем его особая черта? Да, разумеется, с мостика виднее, шире горизонт. Но важно другое: не только увидеть новые дали, но повести туда. Умение повести, в чем оно? Мы так часто повторяем слова «повышение сознательности», что они как бы уже стерлись, но сознательность и есть главный фактор. Только при таком экономически и политически высоком строе может родиться высокая сознательность. Невозможная на другом этапе развития общества».

Так слушал Василь Моргун, то отклоняясь от речи оратора, то снова возвращаясь к ней.

Когда Косиор закончил, снова разразились бурные аплодисменты, и, пока они длились, Моргун с не испытанным ранее чувством всматривался в знакомое лицо, озаренное этой минутой триумфа. Косиор сходил с трибуны, унося в себе свое одушевление, свою гордость. Свою любовь. И хотя здесь подводились итоги и Основной закон Советского государства закреплял уже достигнутое, не было ощущения финала, а только вновь открывшейся шири. И готовности идти по ней к новым горизонтам. В твердой уверенности, что в этом движении и кроется высокий смысл человеческой жизни.

Гуро Ирина и Андреев Анатолий.

Г95 Горизонты: (повесть о Станиславе Косиоре).— 2-е изд.— М.: Политиздат, 1979.—407 с., ил.— (Пламенные революционеры).

Г $\frac{10203-085}{079(02)-79}$ **275 — 79 0902030000**

83. 3Р7
Р2+3КП1 (092)

Заведующий редакцией *В. Г. Новохатко*
Редактор *Г. Е. Щербакова*
Младший редактор *Е. Б. Бурковская*
Художники *Г. Н. Бойко, И. Н. Шалито*
Художественный редактор *В. И. Терещенко*
Технический редактор *Н. П. Межерицкая*

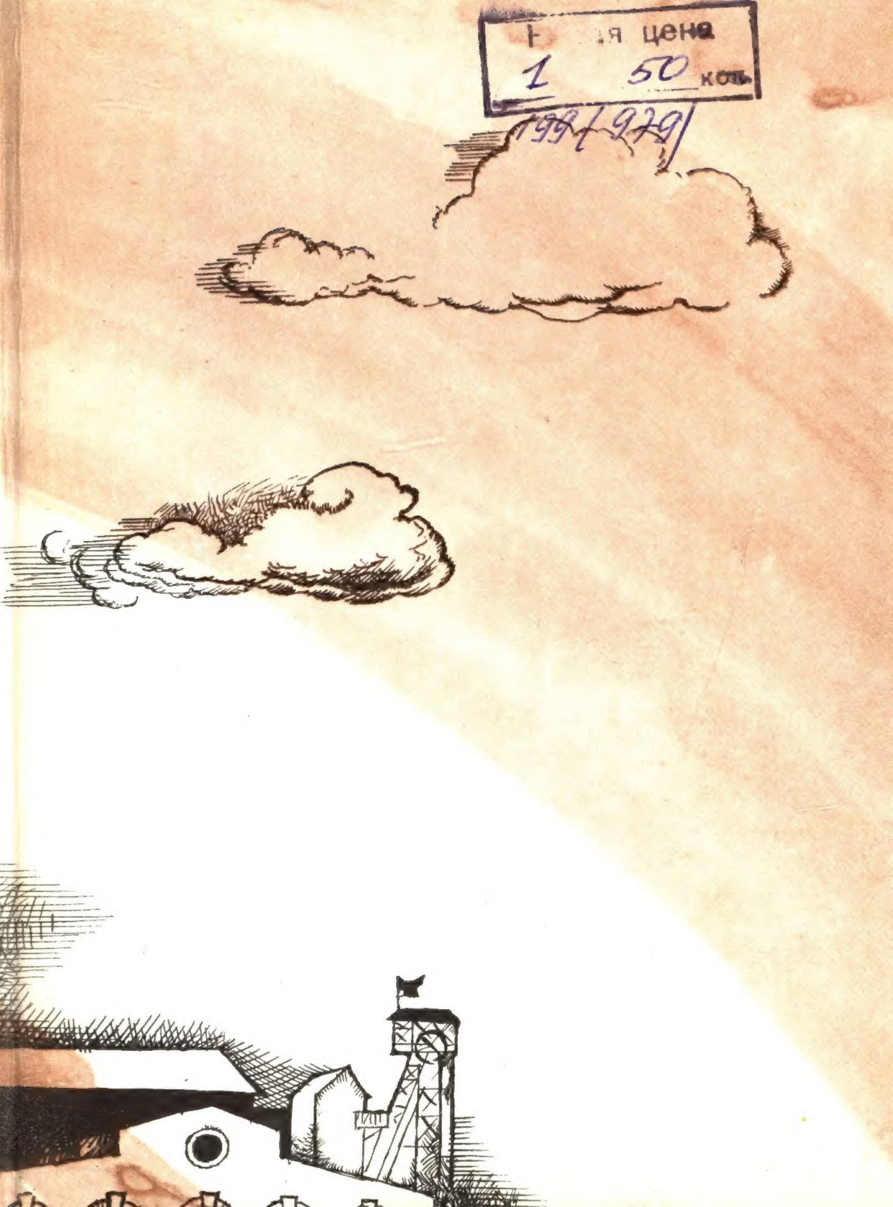
ИБ № 339
Подписано в печать с матриц 07.12.78. А 00211. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 18,47. Учетно-изд. л. 18,31. Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 40.
Цена 1 р. 50 к.

Политиздат, 125811, ГСП.
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Набрано и сматрицировано
в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская

Отпечатано с матриц
в типографии изд-ва «Уральский рабочий»,
г. Свердловск, просп. Ленина, 49.

ая цена
1 50 коп.